

Топос охоты и способы его вербального воплощения в средневековой немецкой литературе

В средневековой литературе охота, охотники или некоторые характерные охотничьи атрибуты (например, охотничий рожок, хищные птицы, животные, с которыми или на которых велась охота, и др.) могут встречаться в произведениях любых жанров: в анналах и хрониках, в экземплярах и агиографиях, в эпических поэмах и куртуазной лирике. Исторические документы, обыкновенно, упоминают охоту либо во время перечисления талантов некоего высокопоставленного лица, либо в контексте его гибели, а в агиографических текстах, например, в житиях святого Евстафия и Губерта Льежского, встреча с оленем служит символом встречи с Богом, указывающей на необходимость встать на праведный путь и изменить свою жизнь.

В тех случаях, когда охота появляется в тексте не в виде отдельного маркера, а именно в качестве выраженного действия, эти упоминания обладают схожими чертами: в частности, повторяются мотивы и словесные формулы, используемые для описания процесса охоты, что позволяет говорить о появлении в средневековой словесности как минимум отдельного топоса охоты. А.Е. Махов определял топос в широком смысле как «стереотипный, клишированный образ, мотив, мысль» и обращал внимание на его аргументативную природу.

Топос охоты нередко становится отправной точкой начала нового эпизода, задавая направление дальнейшего сюжета с помощью ряда характерных мотивов. В данном докладе помимо словесной формулы, которой выражается интересующий нас топос, мы попытаемся также рассмотреть и те значения, которые он привносит в тексты вместе с собой.

Отчетливое вербальное воплощение топоса находит во французской и испанской средневековой литературе, где закрепляется в словесной формуле: «герой поехал [в лес] охотиться». Отклонения от этой формулы, к которой далее по тексту прикрепляется ряд мотивов, редки даже на лексическом уровне: авторы могут использовать синонимы, а также уточнять, на кого велась охота, но основной состав компонентов: персонаж-охотник, предикат и указание места (в большинстве случаев, это лес), – остается неизменным.

В обобщенном более развернутом виде эта формула звучит следующим образом: «он [они] поехал [приехал/вернулся с охоты] охотиться [с луком или копьем] [в лес]». Многочисленные ее употребления встречаются в *chanson de geste*:

Жирар де Вьенн (*Girart de Vienne*, 1190-1224):

Que l'anperere en vost chacier aler.

... En la forest ou alerent berser.

... Tresc'a un jor que il ala chacier.

... Li enperenes en est au bois venuz.

Берта Большеногая (*Berte aux grans piés*, 1270):

En la forest ala chacier droit au joesdi.

Элиокса (*Elioxe*, 1230-1240):

A un jor prist ses ciens, s'ala el bois chacier

Доон де Майанс (*Doon de Mayence*, сер. XIII в.):

Li quems ala cachier en la forest ramee

К словесной формуле прикрепляются такие мотивы, как животное-проводник (как правило, олень), приводящее героя к его будущей/нынешней супруге, отшельнику, либо встреча с посланником/гонцом, сообщаемым герою новую информацию.

Схожей формулы придерживается и роман:

Роман об Энее (*Roman d'Enéas*, 1160):

A un matin formani li plest qu'ira chacier an la forest

Эрек и Энида (*Érec et Énide*, 1170), Кретьен де Труа:

Lor ars et lor saietes ont, An la forest chacier s'an vont ...

Demain matin a grant deduit irons chacier le blanc cerf tuit an la forest aventureuse

Персеваль, или Повесть о Граале (*Perceval, le Conte du Graal*, 1180), Кретьен де Труа:

Ne puet chacier ne riverer,

Mes il a ses rivereors,

Ses archiers et ses veneors

Qui an ses forez vont berser

Отличие обнаруживается лишь в последнем примере, где топос охоты, несмотря на свою прямолинейную вербальную формулу, необычно разворачивается на мотивном уровне. Этот отрывок из описания страданий Короля Рыбака, в нем говорится, что несчастный не в состоянии охотиться на оленей или уток, но его люди ловят дичь для него и бродят среди деревьев, убивая оленей своими стрелами. Несмотря на наличие предиката, охота разворачивается во вставном рассказе, и топос охоты оказывается вписан не в начало нового эпизода, а скорее завершает предыдущий. Герой получает новую информацию – о причинах недуга Короля Рыбака, - хотя ранее добровольно отказался от нее, не задав ни одного вопроса обитателям замка.

Этот короткий обзор примеров из старофранцузской литературы необходим, так как французская средневековая литература оказывала сильнейшее влияние на литературу немецкую. Нам этот материал необходим для более точного анализа, не случайно А.Е. Махов вслед за Э.Р. Курциусом отмечал, какое подспорье топосы — с их переходами из культуры в культуру и из языка в язык — предоставляют компаративным исследованиям.

Несмотря на то, что самые яркие рыцарские романы на немецком языке являются переложениями романов французских, а эпос в языковом плане неизбежно попал под влияние куртуазной культуры, вербальное воплощение топоса охоты в немецком языке обладает рядом своих уникальных особенностей. Словесная формула не является здесь столь же устойчивой, как в французских источниках, ввиду большей вариативности ее лексических элементов. Так, помимо общего глагола «jagen», «охотиться», в немецком языке присутствует множество глаголов, обозначающих разные виды охоты – *birsen*, *beizen* и др. Контекстуально синонимичными предикату охоты могут становиться выражения «он гонял/бил/стрелял зверей и птиц в лесу», «он кидал копье» или вовсе «он занимался игрой», где под «игрой» может скрываться любой вид охоты, а «*vederspiel*» (дословно: «игра с перьями», «игра перьев») – является обозначением соколиной охоты.

Энеид (*Eneit*, 1187-1189), Генрих фон Фельдеке:

des tages sie geviengen

wildes gnuch unde vile

zu vil guteme spil

dô wâren si alle ensament frô

Эрек (*Ereck*, 1180-1190), Гартман фон Ауэ: *man gesach ouch nie vederspil sô manegen schoenen vluc getuon*

Ивэйн (*Iwein*, 1200), Гартман фон Ауэ: *er schoz prislichen wol: ouch gienc der walt wildes vol: swa daz gestuont an sin zil, des schos er uz der maze vil.*

Парцифаль (Parzival, 1210), Вольфрам: sine valkenær von Karidœl riten sâbents zem Plimizœl durch peizen, dâ si schaden kuren.

Охотничьи маркеры практически в любом контексте знаменуют начало нового эпизода, переход к новой части повествования: в «Песне о Нибелунгах» сон об охотничьих птицах и вовсе начинается поэму. Справедливо сопоставить эту «зачинную» функцию с топосом охоты, ведь даже к уже определенной схеме «он поехал в лес на охоту» неизбежно хочется добавить «...и там что-то произошло». В упомянутых ранее французских источниках этим происшествием становилась встреча героя с кем-то и/или некое открытие: жена героя, считавшаяся погибшей, оказывается жива; герцог, старый друг короля, напротив, погиб, и т.д. В большинстве случаев авторов мало интересует сама охота, ее описание дается сжато, хотя и нередко с конкретным упоминанием числа животных, ставших добычей охотников – что перекликается с такой функцией охоты (характерной по большей части для эпических произведений), как замещение героического подвига.

«Песнь о Нибелунгах» в этом отношении является редким исключением: описанию охоты бургундского двора, результатом которой становится смерть Зигфрида, посвящена целая авентюра. Автор подробно описывает наряд Зигфрида, своей пышностью и непрактичностью напоминающий погребальное одеяние, сравнивает героя с загнанным медведем и кабаном, не оставляя сомнений в трактовке – главной добычей на бургундской охоте является сам Зигфрид. При этом «Песнь о Нибелунгах» содержит словесные формулы, наиболее схожие с формулами французскими. XVI авентюра начинается со строфы, которая сообщает, что Гюнтер и Хаген (охотники) любили охотиться в лесу на кабанов, медведей и зубров:

Gunthêr und Hagene, die recken vil balt,
lobten mit untriuwen ein pirsen in den walt.
mit ir scharpfen gêren si wolden jagen swîn,
bern und wisende. waz möhte küeners gesîn?

При этом для слушателя/читателя не является секретом, что Зигфрида ждет смерть на этой охоте: это известно из легенд, из предшествующих «Песне о Нибелунгах» более ранних произведений, рассказывающих данный сюжет, а также понятно из многочисленных намеков, которые дает автор в тексте. Единственное открытие в этой авентюре на пороге смерти совершает сам Зигфрид, понимающий, что его предали.

В других эпических памятниках на немецком языке словесная формула топоса охоты сопровождает встречи: в «Кудруне» гонцы встречают Ортвина во время соколиной охоты; в «Эккелид» Дитрих сначала встречает великана Экке, который любил гонять зверей и птиц в лесу (и согласно норвежской «Саге о Тидреке» развлекался тем, что вызывал на бой всех рыцарей, которых встречал во время охоты), а позднее – безымянную женщину, на которую охотится брат Экке Фасольд.

Кудрун:
ûf dem plâne den jungen degen <...>
mit sinem valkenaere beizte dâ der künic vil kiindicliche.

Эккелид:
Sus jagte si der küene man...

mich jagt des landes herre
wert mit sinen leithunden.

В случае «Кудруны» охота очевидно приобретает характерную для куртуазной литературы коннотацию развлечения, причем негативно окрашенную: охота осознается заменой героическому подвигу, но не является равноценной ему, что вызывает у Ортвина

чувство стыда. Интересным является тот момент, что речь в данном случае идет о соколиной охоте (и в тексте, соответственно, используется 'beizten' – «охотиться с птицами»).

В «Эккелид» преследование женщины Фасольдом интерпретируется в качестве охоты не только из-за употребления глагола «jagen», но также из-за участия в погоне гончих, «leithunden». Охотник, со своими собаками преследующий женщину (грешницу) – это распространенный в европейской литературе сюжет (например, мы встречаем его в «Декамероне» Боккаччо), который, вероятно, имеет тесную связь с комплексом мотивов так называемой «дикой охоты». Все формальные признаки топоса охоты здесь соблюдены, несмотря на столь необычный объект преследования.

Итак, в рассмотренных эпических произведениях топос охоты вербально обозначается довольно четко, тогда как его мотивное наполнение выглядит более размытым. Тем интереснее взглянуть на куртуазные романы, которые в большинстве своем являются переложениями с французского языка, и в которых ситуация складывается ровно противоположным образом.

В некоторых случаях мотивы встречи/открытия неизменно переносятся из источника, лежащего в основе произведения. Так, в «Энеид» Генрих Фельдеке следует французскому переложению «Энеиды» Вергилия, и во всех трех произведениях Энея и Дидону во время охоты ожидает «открытие» любви. В «Эреке» Гартмана фон Ауэ, так же, как и в романе Кретьена де Труа, охота короля Артура на белого оленя предшествует встрече Эрека с грубым карликом, а затем зеркальная погоня-охота Эрека на карлика – его встрече с Энидой. В другом романе Гартмана фон Ауэ обезумевший Ивэйн охотится, чтобы утолить свой голод – и встречает в лесу отшельника, с чего начинается его реинтеграция в цивилизованное общество.

Однако иногда авторы интегрировали в свои тексты топос охоты в тех местах, где французские «оригиналы» обходились без него. Ярким примером является «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Топос охоты появляется во время первой встречи юного Парцифалья с рыцарями и его символического «открытия» куртуазного мира. Затем неожиданно топос охоты появляется во время блужданий Парцифалья в лесу – сокол, ранящий гуся, чьи капли крови на белом снегу напоминают рыцарю лицо его возлюбленной, в версии Вольфрама фон Эшенбаха принадлежит королю Артуру, который вместе со своими сокольниками отправился в лес на охоту. Наконец, топос охоты встречается и в описании походов Гавана: рыцарь встречает возвращающегося с неудачной журавлиной охоты короля Вергулахта.

Наиболее ясной словесной формуле в воплощении топоса охоты придерживается Готфрид Страсбургский в своем «Тристане». Во время охоты люди короля Марка впервые встречают прибывшего из далеких земель Тристана, который также открывает им «куртуазный» способ разделывать добычу и преподносить ее ко двору:

sînes oeheimes hunde,
Markes von Curnewâle,
die haeten zuo dem mâle,
als uns daz wâre maere saget,
einen zîtegen hîrz gejaget
zuo der strâze nâhen.

Во время охоты же король Марк, желающий развеять свою грусть способом, к которому он привык, следуя за «чудесным» оленем, «открывает» Грот Любви, в котором живут бежавшие со двора Тристан и Изольда:

sus gereit er in den selben tagen
in disen selben walt jagen
<...>
einen vremeden hîrz hin dane,

der was reht alse ein ors gemane,
starc unde michel unde blanc

По формальным признакам, которые мы выделили ранее, топос охоты появляется и во время описания жизни Тристана и Изольды в Гроуте Любви, причем оказывается теснейшим образом переплетен с другим, совершенно классическим топосом – *Iocus amoenus*. Во всех описанных случаях, топос охоты имеет четкое вербальное и мотивное оформление, что, как можно было заметить из предыдущей части доклада, является скорее исключением, чем правилом в немецкоязычной литературе.

Многие исследователи склоняются к мысли, что в средневековой Германии охотничий лексикон не культивировался искусственно, а определялся практическими соображениями, что позволяло без проблем понимать друг друга и «любителям», и профессиональным охотникам – т.е. егерям и сокольникам. До XV века единственная попытка ввести в немецкую литературу дискуссию о «правильных» охотничьих терминах была предпринята Готфридом Страсбургским в его «Тристане». В то же самое время во Франции, напротив, создавался специализированный, «правильный» охотничий язык. Как следствие, там, где французские авторы оказывались зажатые в строгих рамках формального охотничьего языка, вольности в употреблении которого могли распознать как необразованность и невежество, немецкие авторы получали полную свободу в подборе слов и выражений. Вероятно, этим и объясняются случаи, когда сцена охоты обозначается рядом характерных маркеров или исключительно мотивом погони (за животным или человеком).

Однако несмотря на размытость вербальной формулы топоса охоты в немецкой литературе, мы можем выделить некоторые группы ключевых слов, которые позволяют идентифицировать его появление в тексте. Это действующее лицо, т.е. охотник либо охотники; сама охота как действие, выраженная либо глаголом, либо субстантивированным существительным, которые, к тому же, могут являться исключительно контекстуальными синонимами (например, *spil*, *schoz*); место, где проходит охота; а также, опционально – животные, с которыми и на которых ведется охота. Таким образом, хотя вербально распознать топос охоты в немецкоязычном тексте оказывается несколько сложнее, чем во французском, основные элементы схемы в обоих языках совпадают.